

Фрагмент из книги

John Henry Eagle
Der Eiserne König. Ein Abenteuer

S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 2011
ISBN 978-3-8414-2117-3

с. 9-22

Джон Генри Игл
Железный Король

Перевод Дарьи Андреевой

Часть первая

Девочка с зелеными глазами

Глава 1

Зеленое пламя

Светало. Над Флютвидде, самым плодородным краем Пинафора, кружил канюк. Далеко внизу среди пашен петляла Усса. Меж невысоких холмов ютились деревушки, на лугах пасся скот. Канюк вскоре высмотрел жертву: на проселке сидела мышь и обгрызала колосок. Круги, которые хищник закладывал в небе, стали сужаться.

Мышь в последний миг заметила канюка и бросилась в лесок на берегу Уссы. В ужасе она бежала и бежала, продираясь сквозь кусты и прыгая через корни, пока не выскочила на поляну. И замерла – на поляне обнаружились новые враги: люди, да к тому же до зубов вооруженные. Мышь задрожала всем тельцем – ведь страшнее человека зверя нет. Она прижалась к земле, но поздно: стоявший в сторонке парень вытянул шею, разглядывая ее.

Ганс не мог не улыбнуться при виде мыши, притаившейся в траве. В родительском доме тоже водились мыши, и отец требовал, чтобы Ганс ловил их и убивал, но у него никогда не хватало на это духу. Закинув голову, Ганс втянул свежий утренний воздух и тут заметил канюка, кружившего над поляной. Потом перевел взгляд на Гримма: тот обращался к разбойникам с речью. Когда-то Гримм подобрал его на обочине – осиротев, Ганс нищенствовал по всему Пинафору, – и принял в свою шайку. Сперва Ганс был мальчиком на побегушках и прислугой за всё, но уже скоро стал участвовать в грабежах и прочих бесчинствах – не с легким сердцем, но ведь шайка заменила ему семью, стала защитой и опорой. Добычи было вдосталь – золото с весны лилось рекой. Люди забросили работу и жили в свое удовольствие. Урожай гнил на корню, кузницы стыли, мастерские пустовали, а на больших дорогах больше не показывались торговцы. Никто не знал, откуда бралось золото, но Пинафор в нем прямо-таки утопал, и у кого хватало силы, брал, что хотел.

– Пора потрясти деревни к югу от Уссы, – объявил Гримм. – Как только нагребим достаточно, вернемся в Гретинг. Там и поделим.

– В Гретинге похоронен Железный Король, – пробормотал один из разбойников.

– Да упокоится душа его в аду, – прошептал другой.

– Неужто вы правда боитесь Железного Короля? – насмешливо осведомился Гримм. – Он помер двести лет назад! Нужно покопаться в его склепе – там наверняка есть чем поживиться! – Он расхохотался.

Суеверные разбойники вытаращили глаза. Да, Железный Король умер, пора его ужасного правления давно минула, но он продолжал жить в сагах и легендах, и его всё еще боялись. Некоторые даже считали его бессмертным и уверяли, что Железный Король объявится вновь и во второй раз покорит Пинафор.

Гансу тоже стало не по себе: до него доходили слухи, будто в Гретинге, в песчаниковых горах на северо-западе Пинафора, обитает чудовище. Он взглянул на Гримма, но тот улыбался, засунув большие пальцы за широкий пояс, на котором висели семь ножей, меч и секира. Гримм заботился о своих людях, правда, при условии, что они беспрекословно повиновались; но часто бывал очень вспыльчив и жесток, а если его оскорбляли, мстил беспощадно. Гансу доводилось видеть, как Гримм истязал и убивал людей, не моргнув глазом, и он испытывал перед предводителем смесь восхищения и страха.

– Вы будете делать то, что я скажу, – прорычал Гримм. – Или мне для начала задать вам хорошую трепку? – Он вскинул меч и взревел: – Женщины и золото! Да пребудет с нами удача!

Разбойники повторили его клич.

Пока они собирались, Ганс оглянулся на мыш, которая по-прежнему не сводила с него глаз.

Ему и в голову не могло прийти, что вещий зверёк сейчас провидит будущее: видит, как Ганс под проливным дождем сражается с Гриммом; видит, как его пытаются; как он скачет по всему Пинафору; как на поле боя готовится к нападению чудовищ в тяжелых доспехах; как... Тут разбойники снялись с места, и видение померкло. Мышь затуманенным взглядом смотрела Гансу вслед. О канюке она напрочь забыла.

Миг спустя канюк камнем упал на нее с неба. Мышь даже пискнуть не успела.

Разбойники почти добрались до опушки, как вдруг Ганс заметил тень, мелькнувшую между деревьями.

– Там кто-то есть! – крикнул он.

– Косуля, наверно, – отозвался Гримм, не останавливаясь.

– На двух ногах? – спросил Ганс.

Гримм обернулся.

– Говорят, зеленые мальчишки и девчонки иногда превращаются в косуль! – прорычал он. – Так что будь начеку!

Остальные разбойники, смеясь, вышли вслед за ним из леса. Впереди расстилались пашни Флютвидде. Они зашагали по тому самому проселку, на котором мышь грызла колосок.

Через полмили Ганс снова заметил тень – она скользнула совсем близко и юркнула в рощу на холме.

– Опять оно! – воскликнул он, указывая на деревья.

Гримм уставился на него.

– Если ты ошибаешься, я с тебя шкуру спущу, – проворчал он. – Идите проверьте!

По его кивку двое обнажили мечи и крадучись двинулись к роще.

– Может, это лазутчик Гографов, – предположил один из разбойников.

– Разве ты не знаешь, что с последнего полнолуния крепость Гографов заросла терном до самых бойниц? – возразил другой. – И что внутри все спят мертвым сном?

– Это наверняка колдовство.

– Естественно, колдовство! Только вот чье?

– Без разницы, – отрезал пожилой разбойник. – Для нас настало золотое времечко – даже Гографы не встанут нам поперек дороги!

Тут раздался крик:

– Поймали!

Разбойники поспешили к роще. Сильно же они удивились, когда увидели, что пленник – всего-навсего девчонка!

– Ну-ка, кто у нас тут? – проговорил Гримм. – Хочешь остаться у нас прачкой или поварихой, крошка?

Разбойники посмеивались. Только Ганс молчал – девочка была еще младше него. Волосы медового оттенка, глаза зеленые, как трава по весне, а лицо усыпано веснушками. Он знал, что его товарищи долго церемониться не будут, и беспокойно переминался с ноги на ногу.

– Судя по виду, готовить она точно не умеет, – сказал один разбойник.

– Да и стирать тоже, – добавил другой.

– Может, у нее еще какие дарования имеются! – крикнул третий.

Гримм запустил руку в кожаную сумку, висевшую у девочки на поясе.

– Пряжа, – насмешливо сказал он. – Шерстяные рубахи.

Разбойники опять засмеялись.

– Так значит, она умеет вязать! – воскликнул четвертый. – Вот и хорошо: до зимы-то осталась только осень!

– Как тебя зовут, крошка? – спросил Гримм.

Девочка молчала.

– Скажи нам свое имя! – рявкнул Гримм. Кровь у него вскипала легко.

Девочка посмотрела по очереди на каждого из разбойников и задержала взгляд своих зеленых глаз на Гансе. Похоже, она верила, что все люди на свете добрые и не сделают ей ничего дурного. Ох и заблуждалась же она – Гансу ли не знать!

Вдруг ей на плечи сели две птицы – воробей справа, чиж слева.

– Отпустите ее, – попросил Ганс.

– Я хочу знать, как ее зовут! – взревел Гримм. – Я хочу знать, чего она тут забыла, кто ее проклятая мамаша и почему ее паршивый папаша ни разу не колотил ее! Придется мне потрудиться за него, если она сию же секунду не заговорит!

Тополь зашумел на ветру. В шелесте листы Гансу почудилось предостережение.

Девочка по-прежнему молчала.

– Ну как хочешь, крошка, – прошипел Гримм.

Двое разбойников привязали девочку к тополи и сорвали со спины платье.

– Надо вздуть ее как следует, – заявил Гримм. – Урс?

Великан Урс выдернул из-за пояса плетень.

Но тут один из разбойников вскрикнул:

– Что это?!

По спине девочки от плеч до бедер вился загадочный узор.

– Похоже на карту, – сказал другой разбойник.

– Или на дорогу к спрятанному кладу, – прошептал третий.

– Карта сокровищ на живой коже! – прохрипел четвертый.

– Карта сокровищ? – фыркнул Гримм. – Можешь потом содрать с нее кожу и отправляться на поиски, но сперва мы зададим ей трепку!

Ганс отошел в сторону. Он не хотел присутствовать при порке. Девочка напомнила ему сестренку Грету, которую он не видел уже много лет. Ганс даже не знал, жива ли она. Детство их состояло из сплошных тягот и лишений; они жили в такой беспросветной бедности, что родители не раз пытались завести детей в лес и бросить. Третья попытка удалась, и Ганс с сестрой угодили в лапы к лесной ведьме, от которой едва сумели улизнуть...

Ганс подавил страшные воспоминания и взглянул на товарищей. Урс упражнялся с плетью: он был не семи пядей во лбу, зато мог одним ударом рассечь пополам кленовый лист, который держали четырьмя пальцами. Когда он размялся, Гримм приказал ему отхлестать девочку – та до сих пор не издала ни звука, и это довело его до белого каления.

И вдруг воцарилась тишина: птицы замолкли; ветер стих; тополь перестал шуметь. Ганс обернулся, и тут случилось ужасное: не успела плеть коснуться спины, как сверкнула яркая вспышка и травянисто-зеленое пламя накрыло разбойников. Тополиные стволы, ветки и листья запылали. Горела трава, горели колосья, горела земля. Волна раскаленного воздуха повалила Ганса наземь. Он увидел, как Гримм живым факелом вывалился из кустов. Кругом вихрились жар и пепел, звенели отчаянные вопли. Горящие люди колотили руками, как курицы перебитыми крыльями, пока не лишались рассудка от гари и пекла. Они шатались и падали, и дым поднимался от их неподвижных тел.

У Ганса потемнело в глазах. Он упал в обморок, и обморок этот был больше похож на смерть, чем на сон.

Когда он открыл глаза, над ним плясал рой мошек. Он судорожно втянул воздух, и вонь горелого дерева и мяса заполнила ноздри. Волосы были опалены, плащ и штаны, куртка и сапоги испещрены прожженными дырками. Ганс воткнул меч в землю, поднялся, опираясь на него, – и ужаснулся опустошению, которое представилось его взору: луг усыпан

пеплом, тополя дымятся, языки пламени вьются на почерневших трупах.

И тут он все вспомнил.

Девочка...

Все его товарищи до последнего человека сгорели в огне.

Он побрел по лугу, на каждом шагу натываясь на мертвых друзей. На глаза навернулись слезы. А девочка словно растворилась в воздухе – Ганс не нашел никаких останков. Только веревки, словно змеи, обвивали обугленный тополь. Неужели она ведьма? И сжигает всякого, кто желает ей зла? Не потому ли он остался жив, что не причинил ей вреда даже в мыслях и не захотел присутствовать при порке? Он невольно вспомнил ее зеленые глаза – пламя было точно такого же цвета. Ганс подавил рыдания и огляделся: совсем один... Один на один со смертью, один на один с опустошением. Даже солнце не приносило ни утешения, ни надежды.

Вдруг он увидел в пепле следы, тянувшиеся к опушке. Похоже, один из его товарищей все-таки ускользнул! Бросив последний взгляд на мертвых разбойников, которые заменили ему семью, Ганс собрался с силами и пошел по следам. Они обрывались на берегу Уссы. Ганс приложил ладони ко рту и закричал, но никто не откликнулся. И тут он заметил тело, застрявшее в ветках ниже по течению. Grimm! Наверное, бросился в Уссу, чтобы затушить пламя, обессилел и захлебнулся. Значит, погибли все...

Последняя потеря оглушила Ганса. Он побрел по берегу реки, спотыкаясь о корни, продираясь сквозь камыш. Недалеко от брода силы оставили его. Ему померещились на другом берегу три фигуры: старика, женщины и гнома, – но не успев ни крикнуть, ни махнуть рукой, он потерял сознание.

Ганс очнулся на соломенной подстилке, под медвежьей шкурой. Отер пот со лба и растерянно огляделся. Маленькая, низенькая комнатка. С потолочных балок свисали травы, а стены украшали черепа животных. Перед очагом, на котором кипел котелок, сидела старуха в латаном-перелатаном платье черного цвета. Она обернулась, и Гансу почудилось, что на ее сморщенном лице в оборках чепца глаза горят красным огнем.

Ганс оцепенел, в голове билась одна мысль: «Прочь отсюда!» Он отбросил медвежью шкуру, вскочил и на подгибающихся ногах поковылял наружу, на свежий воздух. Полная луна освещала густые заросли бузины вокруг избушки. Ганс окинул взглядом крышу и стены – ни пряников, ни сладостей, только дерево да тростник. Но паника пылала в душе, как зеленое пламя, в котором сгорели его товарищи, и давно

забытые образы замелькали перед внутренним взором: непроходимая чаща; застеленная соломой клетка; прутья решетки; ведьма вытаскивает из печи жареное и пареное; безучастная сестренка тащит в домишко дрова и воду; он протягивает ведьме тонкие, мелкие куриные косточки... Ветер охладил пылающий лоб, но не развеял страха. Ганс оглянулся на старуху, которая по-прежнему сидела у очага. Она поманила его скрюченным пальцем.

- Подойди, мальчик, – прошамкала она. – Я семь дней за тобой ухаживала. Хочешь умереть от горячки? – она встала, опираясь на палку с набалдашником в виде змеиной головы. – Похлебай супчику. Это пойдет тебе на пользу.

Ганс заставил себя не поддаться страху.

- Ухаживала? – пробормотал он. – Семь дней?

Старуха взяла деревянную ложку, налила супу в плошку и поставила ее возле соломенной подстилки.

- Почему ты хочешь убежать? – спросила она. – Боишься сгореть? Как твои сообщники?

- Откуда ты знаешь? – отозвался Ганс и, пошатываясь, вернулся к подстилке. Солома зашуршала, когда он сел.

- Я искала травы, а нашла трупы. Ты лежал словно мертвец возле брода, мальчик мой. Там я тебя и подобрала, – она набила трубку. – Я Тетушка. Хранительница бузины.

Ганс взял плошку.

- Я боюсь тесноты с тех пор, как в детстве побывал в плену у лесной ведьмы. Она хотела меня откормить, а потом сожрать, – признался он и боязливо оглядел маленькую избушку. – Меня спасла сестра.

- Во Флютвидде нет ведьм, – возразила Тетушка.

- С разбойниками я всегда жил на просторе. Мне это по душе – ни стен, ни дверей, ни запоров, – он проглотил ложку супа. – Хм... Куриный бульон, – проговорил он с полным ртом.

Тетушка плеснула в рюмку прозрачной жидкости.

- Ты тогда не вернулся к родителям?

- Они бросили нас в лесу! – ответил Ганс и гневно, и вместе с тем подавленно. – Я ненавижу их! Впрочем, они давно умерли... А что случилось с ней, я до сих пор не знаю.

- С ведьмой?

- Нет, с сестрой. Ведьма сгорела.

Тетушка вынула трубку изо рта и сплюнула в угли.

- Тоже сгорела? – спросила она и протянула ему рюмку. – Бузинная водка. Если ее пить, до ста лет доживешь, – она подмигнула Гансу.

Ганс выпил водку, съел куриный бульон, укрылся шкурой и снова заснул. На следующее утро ему стало лучше. Во сне он видел девочку с зелеными глазами и загадочным узором на спине. Что же произошло в роще? Он решил рассказать обо всем Тетушке.

Тетушка сидела снаружи на скамейке, нагретой солнцем, курила трубку и разглядывала бузинные кусты. В траве плясали тени от листьев и солнечные блики. Ганс сел рядом.

- Бузина – священный кустарник, – проговорила Тетушка. – Ее ни срубить, ни сжечь нельзя. Я хранительница бузины. В нашей семье эта обязанность передается из поколения в поколение, от женщины к женщине. Увы, я последняя – у меня-то детей нет.

- Мой отец считал бузину сорным кустом, – сказал Ганс, потупившись.

Тетушка повернулась к нему – лицо ее обрамляли оборки чепца – и спросила:

- Я гляжу, у тебя на душе беспокойно?

Ганс собрался с духом и рассказал о девочке. Когда он упомянул узор на спине, Тетушка насторожилась.

- И бедняжка ничего не говорила? – спросила она.

- Ни словечка. Даже не кричала.

- И страха никак не выдавала?

Ганс подумал и ответил:

- Она была само спокойствие.

Тетушка взяла палку и направилась в избушку.

Ганс вошел следом. Тетушка достала с полки книгу, водрузила ее на тумбочку и, полистав кожаные страницы, сказала:

- Об этой девочке мне недавно рассказывал пастух, гнавший мимо овец. Она наколдовала безногую калеку ногу, сварила любовный напиток служанке, которая хотела выйти замуж за конюха, и спасла брата с сестрой, которых блуждающие огоньки заманили в Жабью землю. На ее счету много хороших дел.

- Она сожгла моих товарищей! – крикнул Ганс. В горле у него встал ком.

Тетушка кивнула.

- Да. Но они хотели совершить над ней насилие.

Солнечный свет падал в избушку сквозь пыльные окна, и паутина по углам сияла. Ганс подумал о захлебнувшемся Гримме, и его взяла такая тоска по друзьям, что он заплакал.

- Слезы целят душу, – Тетушка набила трубку и запалила ее сосновой лучиной. – Это Криптономикон, – пояснила она, коснувшись книги. – В нем можно найти всевозможные пророчества, заклинания и проклятия, а также сведения о времени до времени и о мире под миром. Вот тут... – она перелистнула несколько страниц, – изображен ясень, на котором держится наш мир и который берегут три слепые феи. А вот... – она листала дальше, – каронтиды, монстры из преисподней, у которых на уме всегда только зло, – Тетушка мрачно покусывала мундштук.

Ганс вытер слезы и рассмотрел картинку. Огромные чудища, больше медведя, с голыми черепами и желтыми глазами; сзади хвост, а на грудях и стопах – острые, торчащие вперед шипы. Казалось, лапами они запросто могут разорвать человека.

- Они правда существуют? – спросил Ганс.

- Конечно, – хмыкнула Тетушка. – Криптономикон никогда не лжет.

- Где же растет этот ясень? Я много хаживал по Пинафору, но никогда его не видел...

Тетушка пристально посмотрела на него. Зрачки у нее были большие, как у кошки ночью.

- Неладное творится в Пинафоре, мальчик мой. Люди утопают в золоте, а золото неизвестно откуда берется. Мужчины не работают, матери не заботятся о детях. Крепость Гографов заросла терном, а внутри все спят глубоким сном. Никого больше не заботит право и порядок, не говоря уж о приличиях.

- Я знаю, – смущенно сказал Ганс. – Нам никогда не доставалось столько добычи, сколько этим летом. И никто не гнался за нами – ни сыщики, ни рыцари, – он невольно улыбнулся. – Как будто детская игра. Крестьяне попадались большей частью пьяные... Мы грабили их, а напоследок пускали красного петуха.

Тетушка взглянула на него с осуждением.

- Кто-то хочет навредить Пинафору, – промолвила она. – Кто-то покушается на корни мира – и корни ясеня. Если бы я только знала, кто за этим стоит. Что за этим стоит...

Она надолго замолчала, погрузившись в раздумья. Потом вздрогнула и прошептала так тихо, что Ганс едва разобрал:

- Король...

- Где растёт этот ясень? – снова поинтересовался он.

- Никто не знает, мальчик мой. В Криптономиконе об этом ни слова. Зато... – она подняла палец, – там есть кое-что о девочке.

Она принялась перелистывать толстые страницы, бормоча себе под нос и сплевывая из уголка рта на глиняный пол. Затем зачитала:

- Дева с ликом ясным, как месяц, и очами зелеными, как трава весенняя. Дева как ночное небо, звездами окропленное. Дева, чья спина... – она глянула на Ганса, – путь к ясеню укажет, на котором мир наш держится. В час нужды она явится. Как цветок, она прекрасна, и как рыба, молчалива. На берегах ночи ее мудрый отыщет. С самой яркой звездой он заговорить ей поможет.

- Да, – ошеломленно промолвил Ганс. – Это она.

- Ты должен найти ее.

Ганс отступил к стене, на которой висел череп зубра.

- Я? – воскликнул он. – С какой стати? Она убила моих друзей!

- Чепуха! – возразила Тетушка. – Грабители и убийцы. Хороши друзья! Неужели ты не понимаешь, что стоит на кону? Ты мог бы помочь – да, ты мог бы искупить свою разбойничью жизнь, посвятив себя хорошему и справедливому делу.

- Если б я и стал искать эту девчонку, то только для того, чтобы отомстить за гибель друзей! – упрямо возразил Ганс. – Да и потом, я всего-навсего сын дровосека и его бессердечной жены. Великие свершения не по мне!

- Кто знает? Ты был разбойником с сердцем черным как сажа, но быть может, скоро оно станет белым как мука. Мудр тот, кто сомневается. Глупы – а порой и злы – те, кто видят в зеркале всегда лишь то, что хотят видеть, – Тетушка захлопнула книгу. – Мы навестим тринадцать мудрых жён, – решительно сказала она. – Они советницы Гографов. Они помогут нам.

С этими словами Тетушка завязала узелок и, взяв палку, вышла из избушки на белый свет.

Ганс посмотрел на череп зубра, тарашившийся на него пустыми глазницами. Голова шла кругом – что делать?

Наконец он повесил на пояс меч, прихватил плащ и вышел вслед за Тетушкой. В жизни он знал мало привязанности и еще меньше любви, и после того, как сестра исчезла, а Гримм с товарищами погиб, у него не осталось никого, кроме Тетушки. Она ухаживала за ним, и ей, похоже, небезразлична его судьба. Выйдя за порог, он еще раз обернулся и увидел бесчисленных кошек, которые сидели перед избушкой и мяукали на прощание.

- Это мои верные сторожа! – крикнула Тетушка. Ее черное платье мелькало уже далеко за бузинными зарослями.

Ганс прибавил шагу, торопясь нагнать ее.